

Глава 23: Встреча с родителями

—

Время пролетело незаметно, и вот наступило воскресенье.

Погода в воскресенье была прекрасной, безоблачное небо, синее без единой дымки, и настроение Лу Синцзя тоже прояснилось.

После обеда он начал собирать свои вещи.

Хэ Си, моя посуда, спросила: «Сегодня днём разве не родительское собрание? Ещё нужно идти в школу?»

«Угу!» — Лу Синцзя сильно кивнул, прерываясь на уборку вещей.

В конце концов, он и Цинь Мудун договорились, что они будут учиться вместе каждые выходные.

Кроме того, сегодня он чувствовал себя немного странно. Внутри него кричал голос, призывая его проводить больше времени с Цинь Мудуном.

Хэ Си беспомощно улыбнулась, провожая его.

Интересно, какое сокровище он хранил в школе, раз каждый день он задерживался там и не хотел возвращаться домой.

—

Лу Синцзя, пыхтя, доехал на велосипеде до школы. Дверь класса была распахнута, и внутри было немного людей.

Несколько старост собрались у кафедры, обсуждая, как украсить доску. Цинь Мудун сидел один на своём месте, молча глядя в окно, его спина была прямой и ровной, отбрасывая длинную тень на парты сзади, что придавало ему холодный и одинокий вид.

«Добрый день!» — Лу Синцзя подпрыгнул, сел рядом с ним, и его лицо сияло улыбкой.

Цинь Мудун повернул голову, его суровые брови и глаза смягчились в тот момент, когда он увидел Лу Синцзя.

«Что случилось?» — Лу Синцзя с улыбкой спросил. «Ты не в настроении?»

Цинь Мудун опустил взгляд: «Нет».

Видя, что он не хочет говорить, Лу Синцзя не настаивал, достал тетрадь с ошибками и начал разбирать задачи, которые он неправильно решил на промежуточном экзамене.

Он писал очень аккуратно и старательно, вырисовывая каждую черточку на бумаге, выглядя сосредоточенным и не желающим, чтобы его отвлекали.

Взгляд Цинь Мудуна скользнул к нему, его губы шевельнулись, словно он хотел что-то сказать, но в конце концов он отвёл взгляд и ничего не сказал.

Была уже поздняя осень, и после полудня стало быстро холодать.

Как только Лу Синцзя закончил разбирать последнюю задачу по китайскому языку, в класс вошёл Чжан Чучу.

Для родительского собрания Чжан Чучу специально надел очень официальный костюм. Он и без того был красив, а тёмно-синий костюм, идеально скроенный, подчёркивал его широкие плечи и узкую талию.

Кроме того, он специально сделал причёску, зачесав волосы назад с помощью геля, что придавало ему вид героя из романтической драмы.

«Ого, Чу Гэ, какой красавец!»

Едва он вошёл в класс, как кто-то начал дразнить его.

«Не болтай», — Чжан Чучу взглянул на него, не обращая особого внимания. «Скоро родительское собрание, ученики класса, давайте все вместе поможем прибраться класс!»

Чжан Чучу распределил разные задачи для каждого. Кто-то подметал пол, кто-то клеил таблички с именами на столы. Лу Синцзя и Цинь Мудун были в одной группе, отвечая за чистоту в коридоре.

«Пойдём», — Лу Синцзя взял метлу и совок. Цинь Мудун ничего не сказал, взял метлу и последовал за ним.

В коридоре становилось всё больше людей, время от времени подходили родители, спрашивая, где находится тот или иной класс.

Лу Синцзя добродушно отвечал на все их вопросы, как вдруг издалека раздался нежный голос: «Цзяцзя!»

Лу Синцзя поднял глаза и увидел Хэ Си, которая с улыбкой махала ему и быстро шла к ним.

Для родительского собрания Хэ Си специально надела новое розовое платье и нанесла изысканный лёгкий макияж. Её кожа была очень хорошей, более нежной, чем у некоторых девушек двадцати с небольшим лет, и в таком наряде она выглядела ещё более нежной и молодой.

«Мама! Ты пришла!» — Лу Синцзя высоко поднял руку и помахал ей, направляясь к ней.

Их голоса были такими ласковыми и естественными, что сразу было видно, насколько тёплые и гармоничные у них отношения в семье.

Цинь Мудун опустил взгляд, стараясь не смотреть в их сторону, и старательно подметал пыль с пола.

Хэ Си и Лу Синцзя немного поболтали, и вскоре она заметила стоящего неподалёку Цинь Мудуна с холодным выражением лица.

Лу Синцзя каждый день упоминал своего «Мудун Гэгэ», поэтому впечатление Хэ Си о Цинь Мудуне было особенно глубоким.

Цинь Мудун почти не изменился с детства, у него всё ещё было это серьёзное выражение лица, и спустя столько лет Хэ Си сразу узнала его.

«Это Цинь Мудун?» — Хэ Си взглянула и спросила Лу Синцзя.

«Да!» — Лу Синцзя кивнул, как будто стучал молотком, и всякий раз, когда он упоминал Цинь Мудуна, его глаза загорались.

Хэ Си всегда хорошо знала своего сына. Видя его такую реакцию, она вдруг кое-что поняла: «Так ты так спешил в школу, чтобы найти его?»

«Угу...»

Лу Синцзя на мгновение не знал, стоит ли признаваться. Его взгляд блуждал, пока не встретился со смеющимися глазами Хэ Си.

Хэ Си с улыбкой поддразнила его: «Я думала, ты за моей спиной нашёл себе маленькую

подружку!»

«Как это возможно!» — Лу Синцзя поспешно объяснил, — «Мы пришли учиться!»

Хэ Си не стала спорить, с улыбкой подошла к Цинь Мудуну: «Мудун, давно не виделись, я твоя тётя Хэ Си, ты меня помнишь?»

Лу Синцзя тоже подхватил: «Это моя мама».

У Цинь Мудуна была очень хорошая память, он мог запомнить всё, что видел один раз, не говоря уже о матери Лу Синцзя, он не мог её забыть.

«Здравствуйте, тётя», — Цинь Мудун вежливо поприветствовал Хэ Си.

«Хороший мальчик», — Хэ Си нежно улыбнулась, — «Цзяцзя сказал, что вы сидите за одной партой. Он добился больших успехов на этот раз, во многом благодаря твоей помощи».

Цинь Мудун опустил взгляд и равнодушно сказал: «На самом деле, я ничего не делал, это Цзяцзя сам усердно занимался».

Лу Синцзя стоял рядом, кончики его ушей немного покраснели.

Не только потому, что Цинь Мудун похвалил его перед мамой, но и потому, что он, вслед за мамой, назвал его «Цзяцзя».

Два простых китайских иероглифа, произнесённые Цинь Мудуном, были чёткими и правильными, но почему-то приобрели немного интимный оттенок.

Лу Синцзя впервые почувствовал, что его немного девчачье прозвище звучит так хорошо.

«Как такое возможно? Цзяцзя очень привязан к тебе», — Хэ Си прикрыла рот рукой и рассмеялась. «Дома он через каждые три предложения говорит о «Мудун Гэгэ», и из-за тебя...»

«Мама!» — Лу Синцзя почувствовал себя так стыдно, словно его публично казнили. Лицо его вдруг покраснело. Он поспешно перебил её, но боялся, что та скажет что-то, что легко может вызвать недопонимание, поэтому попытался сменить тему. «Ты преувеличиваешь! Как я могу говорить о нём каждые три предложения?»

Он похож на котенка, у которого шерсть стоит дыбом. Очень мило.

«Ладно-ладно», — зная, что он стесняется, Хэ Си не стала продолжать, а повернулась к Цинь

Мудуну, в её глазах появилась серьёзность: «В общем, спасибо тебе за заботу о Цзяцзя, и за причинённые неудобства».

Она не была беспринципной, и с детства учила Лу Синцзя быть благодарным.

Хорошие отношения между двумя детьми — это хорошо, но они ровесники, и нельзя требовать помощи и подарков как должное.

Лу Синцзя стоял рядом, обиженный и немного не зная, смеяться или плакать: «Мама, я что, выгляжу таким невоспитанным?»

Щёки юноши всё ещё были розовыми, глаза сияли, покрытые лёгкой дымкой, красивые, как самые яркие цветы ранней весны, освещающие эту увядшую осень.

«Никаких проблем», — Цинь Мудун, словно обожжённый, отвёл взгляд и сказал слово за словом, в его слегка опущенных глазах была глубокая чернота: «Он очень хороший».

Он очень хороший, особенно хороший.

Настолько хороший, что в какой-то момент у него возникло нереальное желание.

Хотелось спрятать его, чтобы он навсегда оставался его звездой.

Единственной в своём роде звездой.

Лу Синцзя не знал, о чём думал Цинь Мудун, просто ему было неловко от похвалы, особенно в присутствии его мамы.

Этот разговор был словно встреча маленькой пары с родителями!

Лицо Лу Синцзя покраснело ещё сильнее, он поспешно толкнул Хэ Си в класс: «Мама, заходи скорее, опоздаешь!»

Хэ Си, которую Лу Синцзя толкал, лишь беспомощно покачала головой, нашла место с именем Лу Синцзя и села.

—

В четыре часа дня началось родительское собрание. Чжан Чучу в костюме стоял у кафедры, анализируя общую ситуацию в классе за прошедший период для родителей. Лу Синцзя и другие ученики класса, как обычно, взяли учебник английских слов четвёртого уровня и

заучивали их в коридоре.

Голос Чжан Чучу время от времени доносился до ушей, и Лу Синцзя время от времени поглядывал сквозь окно в класс. Хэ Си надевала очки и внимательно что-то записывала.

Подождите, Лу Синцзя вдруг обнаружил, что что-то не так.

С самого начала место рядом с Хэ Си было пустым.

Каждый родитель сидел на месте своего ребёнка, что означало, что родители Цинь Мудуна не пришли.

Лу Синцзя отвёл взгляд и нерешительно посмотрел на человека рядом.

Цинь Мудун тоже склонил голову над книгой, сосредоточившись настолько, что не отвлекался ни на что другое.

Спросить его?

В сердце Лу Синцзя заколотил барабан.

Цинь Мудун никогда не упоминал своих родственников, вероятно, у него были плохие отношения с семьёй. Что если он затронет его болезную тему...

Лу Синцзя колебался, не желая копаться в его ранах. Пока он так метался и не мог принять решение, родительское собрание уже закончилось.

Родители повалили на выход, лишь немногие окружили Чжан Чучу, задавая ему всевозможные вопросы.

Хэ Си нечего было спрашивать, она просто вышла вслед за толпой и помахала Лу Синцзя, стоявшему у двери.

Лу Синцзя подошёл к ней: «Что рассказывал учитель?»

«Многое», — сказала Хэ Си, — «Помимо ваших обычных экзаменов, он также рассказал о целях и значении участия в этой олимпиаде. Ваш учитель очень хорошо разбирается в этом».

Вокруг было много людей, явно не подходящее место для разговоров. Они поболтали ещё немного, и Хэ Си похлопала Лу Синцзя по плечу: «Вы, наверное, ещё будете заниматься вечером? Тогда я пойду. Остальное расскажу тебе дома, не спеша».

«Хорошо», — Лу Синцзя кивнул. После того как он проводил Хэ Си, большинство родителей в классе тоже разошлись.

Цинь Мудун уже вернулся на своё место. Лу Синцзя собирался подойти к нему, но Чжан Чучу опередил его.

Чжан Чучу слегка постучал пальцем по столу Цинь Мудуна: «Пойдём со мной».

Словно зная, что Чжан Чучу позовёт его, Цинь Мудун слегка кивнул, сунул руку в карман и последовал за ним из класса.

Лу Синцзя поколебался, и, видя, что они оба его не заметили, тайком последовал за ними.

Чжан Чучу привёл Цинь Мудуна в укромный уголок в конце коридора и довольно доброжелательным тоном спросил: «Почему твои родители не пришли? Они заняты?»

Цинь Мудун наполовину опирался на железные перила в коридоре, в его глазах мелькнула ярость, он отвернулся и ничего не сказал.

Чжан Чучу и не ожидал, что он ответит, и продолжил: «Это родительское собрание очень важно, оно касается регистрации на предварительные соревнования. Школа требует обязательного уведомления родителей».

Он знал, что у Цинь Мудуна плохие отношения с родителями, но он всё же был несовершеннолетним, и для многих вещей требовалось согласие опекуна.

Чёрные глаза Цинь Мудуна были слегка опущены, словно он вовсе не слышал. Чжан Чучу легко вздохнул: «Ну что ж, я знаю, что твои родители очень заняты. Я позвоню твоему отцу и скажу ему, хорошо?»

Сказав это, не дожидаясь ответа Цинь Мудуна, он достал телефон и начал звонить.

Цинь Мудун, держа одну руку в кармане, просто позволил ему это сделать.

Чжан Чучу включил громкую связь.

Занято, всё время занято.

Чжан Чучу не сдавался, поочерёдно набирал номера родителей Цинь Мудуна, и наконец, после звукового сигнала «дип», звонок был соединён.

«Здравствуйте», — равнодушный и отстранённый голос на другом конце провода, — «Что-то случилось?»

Чжан Чучу почему-то вспомнил своего начальника, который недавно приходил с инспекцией, и невольно выпрямился: «Вы отец Цинь Мудуна, верно? Я его классный руководитель. Дело в том, что он участвует в олимпиадном классе, что может повлиять на часть обычных занятий, поэтому школе необходимо информированное согласие опекуна, а также...»

«Хорошо», — мужчина на другом конце провода поспешно перебил Чжан Чучу, — «Я знаю, в какой олимпиаде он участвовал. Ещё что-то?»

Тон был вежливым, но с оттенком нетерпения.

Чжан Чучу терпеливо объяснил: «Вам нужно прийти и подписать письменное согласие...»

«Так хлопотно?» Мужчина нетерпеливо постучал по столу и прямо сказал: «У меня сейчас нет времени, пусть он найдёт свою родную мать».

Он говорил так равнодушно, словно Цинь Мудун был не его сыном, а попрошайкой на улице.

Голос Чжан Чучу повысился на два тона: «Вы же его родной отец? Это слишком безответственно по отношению к ребёнку!»

«Мы с его матерью развелись, опекунство у той женщины. Я потратил на него немало денег с детства, я ему ничего не должен!» — Голос мужчины тоже явно раздражился, он уже не был таким вежливым, как только что.

Через мгновение он успокоился и холодно сказал: «Извините, у меня действительно нет времени подписывать какие-либо согласия. У меня теперь новая семья, и я не хочу, чтобы меня беспокоили. Если что-то нужно, поговорите с опекуном ребёнка».

После этих слов, не дожидаясь реакции Чжан Чучу, мужчина повесил трубку.

В пустом коридоре гудок был особенно отчётливым.

Лу Синцзя, спрятавшись за углом коридора, непроизвольно сжал опущенные руки.

Наконец он понял, откуда взялось то странное чувство, которое он испытал по отношению к отцу Цинь Мудуна в похоронном бюро.

Этот мужчина был джентльменом, тактичным, вежливым, спокойным, но в его глазах не было

ни капли тепла.

Его не волновала жизнь и смерть Цинь Мудуна, но он, как само собой разумеющееся, наслаждался славой, которую тот приносил.

В этом мире всё требует экзаменов, только быть родителем — нет.

Он не достоин быть отцом.

Чжан Чучу стоял на месте с телефоном в руке, его сердце было полно сожаления и досады.

Он не должен был звонить в присутствии Цинь Мудуна, не должен был позволять Цинь Мудуну слышать это. Холодность родителей крайне пагубно влияет на развитие ребёнка, в серьёзных случаях это может даже привести к негативным, пресыщенным жизнью эмоциям.

Цинь Мудун уже привык к такому отношению мужчины, он равнодушно взглянул на Чжан Чучу: «Урок вот-вот начнётся, могу я вернуться?»

Чжан Чучу беспомощно махнул рукой: «Эх, иди, возвращайся».

Цинь Мудун опустил чёрные глаза, небрежно пошёл обратно по коридору, а когда поднял взгляд, вдруг обнаружил, что ему преградил путь юноша, появившийся неизвестно откуда.

Юноша был на голову ниже его, его изначально яркие глаза были немного покрасневшими, а кончик носа тоже был красным, словно он где-то плакал.

Лу Синцзя прямо стоял перед Цинь Мудуном, преграждая ему путь.

Его голос был совершенно сиплым, совсем не таким мягким и чистым, как обычно, и с сильной гнусавостью: «Я хочу... поговорить с тобой, можно?»

Но его глаза были слишком яркими, влажными и сияющими, ясными, как горячий источник.

Кадык Цинь Мудуна слегка двинулся, и в его сердце внезапно поднялось чувство раздражения.

Нерастворимое, неперевариваемое.

Нет, возможно, это было не раздражение, а беспомощность.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282445>